

МИХАИЛ ХЛЕБНИКОВ

СОЮЗ
И ДОВЛАТОВ

ПОДРОБНО
И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Книжная полка Вадима Левенталя

Михаил Хлебников

**Союз и Довлатов (подробно
и приблизительно)**

ИД «Городец»

2021

УДК 82-09
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Хлебников М. В.

Союз и Довлатов (подробно и приблизительно) /
М. В. Хлебников — ИД «Городец», 2021 — (Книжная полка
Вадима Левенталья)

ISBN 978-5-907358-97-3

Исследование известного новосибирского филолога, к. ф. н. Михаила Хлебникова посвящено Довлатову, но через фигуру великого писателя оно рассказывает об эпохе, об окружении писателя, об атмосфере, царящей в кругах творческой интеллигенции позднего СССР. Рассказывает неподражаемо, умно, едко и чрезвычайно увлекательно. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-09
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-907358-97-3

© Хлебников М. В., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Хлебников

Союз и Довлатов (подробно и приблизительно)

Еще несколько месяцев, несколько лет, и нам будут рассказывать истории, у которых не будет ни начала, ни конца, никто ничего не будет помнить. Подлинные свидетели умрут или превратятся в маразматиков либо будут кем-то завербованы.

Убивать молчанием или писаниной – боюсь, что в этом и заключается великая работа нашего времени.

Л. Ф. Селин

Елене

© М. Хлебников, 2021

© ИД «Городец», 2021

© П. Лосев, оформление, 2021

Пролог

В истории литературы есть отдельные сюжеты, которые со временем укрупняются, превращаются в нечто большее, чем виделось в момент возникновения. Отдельные точки соединяются в линии, которые причудливо изгибаются – возникает рисунок. Завязка одного из них в литературном скандале, произошедшем в 2001 году. Тогда в издательстве «Захаров» вышел «Эпистолярный роман». За игривым названием скрывалась переписка Сергея Довлатова с Игорем Ефимовым. Игорь Захаров, глава одноименного издательства, сокрушался в предисловии к «роману»:

Трудно поверить, но два с лишним года эта книга не могла найти своего издателя – многих смущала «обидная неправда про живых людей, порой – и обидная правда, а иногда – прямая клевета, на которую Довлатов в художественном азарте был вполне способен».

Как вскоре выяснилось, «смущение» издателей объяснялось несколько другой причиной – прямым запретом на публикацию переписки двух литераторов со стороны наследников Довлатова. Логичным продолжением запрета стал судебный процесс, который издательство проиграло.

Самый яркий отклик на «роман» – статья Виктора Топорова «В два смычка, или В литературе некрофилия ненаказуема?». Уже начало ее не может не вызвать живого читательского интереса: «В рецензируемой книге достигнуто редкое даже для культурного слоя единство: паскудство замысла полностью соответствует паскудству исполнения». Вывод: Ефимов банально привлекает к себе внимание публики, явно несоразмерное степени его писательского дарования: «Для Ефимова это, наверное, не столько месть, сколько претензии на собственное место в литературе. Претензии явно несостоятельные». Говоря о мести, автор статьи имеет в виду конфликт между корреспондентами, собственно поставивший точку в их десятилетней переписке, но не в диалоге как таковом.

Нужно отметить, что оттенки скандальности, зрелого абсурда, которые так ценил Довлатов, прослеживаются во многих крупных текстах, так или иначе связанных с его именем. Еще до выхода «Эпистолярного романа» значительный вклад в нарождающееся довлатоведение вносит Михаил Веллер, написавший роман «Ножик Сережи Довлатова». Журнальная публикация состоялась в июньском номере «Знамени» за 1994 год. Похвальная оперативность объясняется спецификой общения Веллера с писателем. Мемуарист разговаривал с Довлатовым по телефону. В романе воспроизведены два диалога, поэтому с высокой долей вероятности можно предположить, что и общее количество разговоров не превышало названного числа. Содержание самих диалогов вызывает смешанные чувства. Веллер в то время – редактор отдела русской литературы эстонского журнала «Радуга». Не могу не привести прекрасное высказывание мемуариста:

Гордо заведовал отделом русской литературы, состоящим из меня одного. В этом есть свои преимущества: когда хоть где-то русская литература состоит из тебя одного.

Прошедшие годы вымыли следы иронии, сегодня Веллер просто и с достоинством принимает факт своего вершинного одиночества. Ну а тридцать с лишним лет тому назад редактор журнала обращается к Довлатову по поводу публикации, точнее, републикации, его рассказов:

– Слушаю, – ответил мрачный и сиповатый русский голос без всяких признаков американской гнусавости и картофельного пюре во рту.
– Сергей Донатович? – осведомился я.

- Совершенно верно.
 - Эстония беспокоит. Таллинн.
 - Хо-о! – сказал Довлатов.
 - Такой русский журнал «Радуга».
 - М-угу.
 - Мы тут хотим напечатать ваши рассказы. В общем просто обязаны.
- Как-никак Таллинну вы человек не вовсе чужой.
- Уж как же!..
 - Так если вы не против.

Довлатов дает разрешение, предлагая в ходе общения называть его Сергеем. Веллер приступает к редактированию – причине его второго разговора с писателем. Обсуждается первое замечание – число патронов в магазине АКМ. В тексте Довлатова говорится о шестидесяти патронах. Редактор поправляет: магазин вмещает только тридцать патронов. Довлатов соглашается с замечанием:

- Дальше, – спросил Довлатов без излишней приветливости.
- Второе и последнее, – поспешил заверить я и готовно добавил: – Здесь я не буду настаивать. Понимаете, ненормативная лексика – вещь такая, спорная... Но мне кажется, что слово «гондон» правильнее писать через «о», а не через «а». Как бы образование разговорного просторечия по аналогии литературному «кондом», который через «о». Это, конечно, дело слуха, в препозиции стоит редуцированный, но в принципе формальное расподобление при сохранении внутренней семантики идет именно по такому пути.

В общем, на этом все общение закончилось. Сложно сказать – где оно начиналось. Веллер, «гондон» пишущий согласно правилам, очень быстро осознает, что Довлатов не дотягивает до классика: «Стал читать Довлатова и пришел к выводу, что такую прозу можно писать погонными километрами». Но мемуарист почему-то вместо творческого подсчета верстовых столбов поделился своим открытием со своим коллегой – заведующим отделом прозы журнала «Нева» Самуилом Лурье. Тот отреагировал правильно, подтвердив правоту Веллера:

- Господи, да конечно все это полная— радостно сказал Лурье. – Ну, сделали имя, играют в эти игры, сами, понимаете, в это нисколько, конечно, не верят, а если кто и верит – так это уже просто полные... Мы-то с вами прекрасно понимаем, что никакая это не литература, разная, понимаете.... о своей жизни, так кто из нас не может бесконечно писать таких историй.

Конечно, тут можно сослаться на «касательность» отношений между Веллером и Довлатовым. Да и есть один момент, утяжеляющий общение. Довлатов успел прочитать сборник рассказов Веллера и отозвался о нем в одном из писем:

- Что делается с сов. литературой? У нас тут прогремел некий М. Веллер из Таллинна, бывший ленинградец. Я купил его книгу, начал читать и на первых трех страницах обнаружил: «Он пах духами» (вместо «пахнул»), «продляет» (вместо «продлевает»), «Трубка, коя в лавке стоит 30 рублей, и так далее» (вместо «койя», а еще лучше – «которая»), «снизошел со своего Олимпа» (вместо «снизошел до»). Что это значит? Куда ты смотришь?..

Веллеру отзыв «Сережи», напечатанный в газете «Петербургский литератор», доброжелатели оперативно зачитали по телефону (тут можно прокинуть параллель с эпохальным общением самого Веллера с заокеанской «покойной скотиной» – определение М. В.). Разочарованность имеет, как видим, несколько личный характер. Но мы вправе рассчитывать на то, что мемуарный продукт с использованием ингредиентов, практически идентичных натуральным

воспоминаниям, – «казус Веллера» – понятен. Другая картина должна возникнуть при чтении воспоминаний настоящих друзей Довлатова или тех, кто, по крайней мере, его хорошо знал.

Евгений Рейн в 1997 году выпустил книгу «Мне скучно без Довлатова». После ее прочтения по-настоящему затосковать мог читатель, купившийся на название и купивший книгу. Из трехсот страниц мемуаров Довлатову были посвящены две небольшие ритуальные главы – два десятка абзацев – с ритуально же «прочувствованными» строками:

Я сразу же обратил внимание на очень высокий профессиональный уровень этих рассказов. Это были не смутные разодранные клочки, нет, сюжет проводился изобретательно и отчетливо, характеры обозначались ясно и ярко, реплики стояли на точных местах, были доведены до афоризма, гротеска, пародии.

Сам автор, явно не скучая, «ясно и ярко», рассказывал о том, что его действительно волновало: еда, одежда, кино, встречи со знаковыми людьми. Не без «изобретательности» главные темы переплетаются:

Вошел Пастернак.

– Пойдемте на кухню.

Кухонька оказалась совсем тесной. Мы втроем еле-еле поместились. На столе стояла огромная, по-моему еще дореволюционная, сковорода. И в ней – такая же большая глазунья. Я не поленился – сосчитал желтки. Их было девять.

– Вы знаете, какой у меня в ваши годы был аппетит? Ого! – сказал Пастернак.

Целиком нарезанный кирпич белого хлеба лежал в соломенной хлебнице. На плите кипел чайник, на нем подогревался заварочный.

– Кладите побольше сахара, сахар нужен для питания мозга, он укрепляет память. Как у вас с памятью?

– По-моему, все в порядке, – сказал я и прочитал пастернаковское стихотворение «Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...»

Как видим, с гротеском и пародией у Рейна также все неплохо, за исключением вопроса о степени осознанности в использовании этих приемов. Понятно, что название книги – маркетинговый ход. Довлатов к тому времени приобрел огромную читательскую любовь, которую не грех было использовать и немного поскучать.

Уже после «Эпистолярного романа» наших читателей порадовал другой знатный довлатовед – Валерий Попов. Известный петербургский писатель выпустил книгу в серии «ЖЗЛ». Несмотря на респектабельность издания, выход книги был отмечен разборками с наследниками писателя. Нужно сказать, что Попов попытался справиться с нетривиальной задачей – превратить биографию Довлатова в рассказ о другом выдающемся писателе.

К самому Довлатову Попов относится диалектически двойко. Ему он явно нравится в доэмигрантский период. Неудачник, алкоголик, которого биограф ласково так журит: «Эх, зачем же так напиваться – нехорошо. Портвешок с водярой смешивать». Довлатов изводится от невозможности напечататься, а ему в ответ с мурлыкающими интонациями нараспев: «И у писателя Попова не все сразу получалось». В общем, кот Матроскин пишет биографию. Но постепенно возникает такая зримая нехорошая картина, объясняющая «авторскую сверхзадачу». Попов цепко приобнимает Довлатова за талию, потихоньку подталкивая его бедром: «Подвинься, Сережа, дай людям и на других посмотреть». И показывает. Себя. Пример. Довлатов готовится к эмиграции, это факт, но есть и факт, что у писателя Попова выходит первая книга прозы. И ясно, какое событие для автора важнее. Вторая часть книги, отведенная эмигрантским годам жизни писателя, является развернутым ответом на вопрос: «Почему Сережа стал популярным, хотя не совсем этого заслуживает?». Перед нами теперь не симпа-

тичный автору невротик, профессиональный неудачник, но Терминатор, неумолимо марширующий к успеху. Начинает мелькать: «дружил с нужными людьми», «провел удачную рекламную акцию», «участвовал в престижных конференциях», «влез в доверие к издателю». И, естественно-неизбежное: «Плюнул на старых друзей». Читатель, конечно, догадывается, о ком идет речь. Попов умудряется разглядеть какой-то тонкий расчет в запоях писателя. Создается впечатление, что и смерть Довлатова – ловкий рекламный ход с его стороны. Тем более, что к концу жизни, как нам объясняется, Довлатов все равно исписался. Что уж тут жалеть. Да и крупных вещей писать не мог, роман – откровенно неудачен, повести «не центрированные». Я удивлен, что Попов не стал в конце издания приводить список собственных сочинений – десятков «центрированных» повестей и романов. Стилистически текст «центрированного автора» неряшлив.

Не думаю, что он, находясь в Ленинграде, даже в случае благополучно сложившейся судьбы, мог называть даже про себя Владимова, автора на шумевших «Трех минут молчания» и «Верного Руслана», запросто и непринужденно Жорой, а Максимова – Володей. Тут, с высоты нью-йоркских небоскребов он делал это как-то естественно, невзначай – и слегка даже поучающе...

Еще раз: «с высоты нью-йоркских небоскребов поучающе называл Жорой и Володей». Есть и обороты в духе зрелого Зощенко: «Мы молча обнялись, даже слегка поцеловались. Ничего больше сказать я не мог». Промолчим, наверное, и мы.

Глава первая

Как видим, авторы, пишущие о Довлатове, зачастую не свободны – давайте смягчим – от честного писательского эгоцентризма. Но есть попытки разговора о писателе, в центре которого находится фигура самого Довлатова. В сентябрьском номере журнала «Звезда» за 2020 год напечатана статья Александра Мелихова «Очаровательный странник». Как понимаю, публикация есть вариант юбилейного текста, так как совпадает с печальной датой – тридцатилетием со дня смерти писателя в августе 1990 года. Начинается она, как и положено, с признания заслуг автора:

Сергей Довлатов – писатель культовый: его поклонникам он дарит не просто эстетические переживания, до которых есть дело лишь сравнительно узкому кругу ценителей изящного, но – уроки жизни. Он создал обаятельнейший образ беспечного странника, который, словно сказочный Иванушка, и в огне не горит, и в воде не тонет. Ведь самое тягостное в реальном мире – это вечная необходимость быть серьезным и предусмотрительным, а Довлатов создал мир, в котором легкомыслие не карается так жестоко, как в реальности. Еще бы нам не любить этот мир и его творца!

Затем, используя известную ахматовскую метафору, Мелихов предлагает посмотреть: из какого сора вырастает проза Довлатова? А для этого он возвращается к ссоре между Довлатовым и Ефимовым, отраженной в уже знакомой нам переписке. Большая часть текста Мелихова – обильное цитирование переписки. Но проблема не в этом. Цитируются важные и нужные места, но им не даются необходимые, на мой взгляд, толкования. Выводы, к которым приходит Мелихов, трудно назвать оригинальными:

Да, дело искусства – не только раскрывать, но и скрывать от нас ужас и безобразие реальности; не пряча, но преображая страшное в красивое, а противное в забавное. Красота – это жемчужина, которой душа укрывает раненое место, и если под ней нет подлинной раны, не будет и подлинной красоты.

Да, Довлатов ценил банальности, но все же в отточенном виде.

Тем не менее обращение к переписке может дать ключ к пониманию писательства Довлатова. Здесь скрывается одна из загадок. Довлатов много писал о себе, при этом «код писательства», сделавший его личность и книги такими популярными, так и остается нерасшифрованным. Еще в античности использовали прием параллельного жизнеописания, когда «парность» позволяла не просто сопоставить, сравнить отдельные эпизоды в биографии героев, а уловить в оттенках нечто выходящее за пределы конкретных судеб. Я отталкиваюсь от переписки двух писателей еще и потому, что поставленная в ней точка превратилась со временем в многоточие. Разговор, формально заверченный, был продолжен в книгах Игоря Ефимова. Особое место среди них занимает автобиографическая диалогия «Связь времен», вышедшая в 2011–2012 годах. Дополнительным связующим элементом можно считать тот факт, что диалогия выпущена все тем же издательством «Захаров».

Начну с тезиса, озвученного Игорем Захаровым в уже цитированном предисловии:

Ровесники, земляки и старинные приятели, Сергей ДОВЛАТОВ и Игорь ЕФИМОВ еще в 60-е годы были участниками ленинградской литературной группы «Горожане».

Уже первое слово – «ровесники» – вызывает отторжение. И дело не в том, что Игорь Ефимов родился в 1937 году, а Довлатов – в 1941-м. Их разделяют не просто четыре года, величина условная при других раскладах. Писатели принадлежат к разным эпохам. Ефимов – автор, пришедший на гребне оттепели и принадлежащий... Теперь дадим слово, как ни странно, Сергею Довлатову. В повести «Ремесло» он рисует свой непростой путь в литературу. Один из первых заходов связан с попыткой получить одобрение от состоявшихся литераторов:

Я должен был кому-то показать свои рукописи. Но кому? Приятели с филфака не внушали доверия. Знакомых литераторов у меня не было. Только неофициальные.

Среди «неофициальных», но состоявшихся – Анатолий Найман, автор «замечательных стихов», «друг Ахматовой и воспитатель Бродского». Предположу, что Бродскому, который после эмиграции перешел на «вы» со всем ленинградским окружением, подобная характеристика вряд ли сильно нравилась.

Снова отвлекаясь, скажу, что в «других руках» прием получения одобрения работал. Вот Сергей Вольф, к которому безуспешно обращался Довлатов (об этом поговорим несколько позже) с той же самой просьбой – «прочитать и оценить», сам грамотно использовал или даже создал ситуацию «правильного вхождения в литературу». О нем с симпатией пишет знакомый нам Валерий Попов в своей книге без картинок:

Путь Вольфа в литературу был очарователен, хотя, быть может, и чересчур легковесен. Он рассказывал, как, приехав в Москву, сразу нашел в «Национале» Юрия Олешу, и они тут же подружились.

Олеша – доступный классик «второго ряда», который все же мог с кем-то познакомиться или отрекомендовать. Интересно, что, воспользовавшись дорогой, проторенной Вольфом, к Олеше целенаправленно отправилась уже целая группа молодых ленинградских поэтов в составе Дмитрия Бобышева и Евгения Рейна. Про группу я не оговорился – только один Рейн тянул на небольшой, но яркий поэтический коллектив. Бобышев в мемуарах воспроизводит эпохальную встречу:

Открывает изящная пожилая женщина в ярком халате с чертами мелкими, но точно набросанными на ее лице колонковой кистью Конашевича – Суок! Пропускает нас в кабинет.

– Студенты из Ленинграда. Как вы сами назначили.

Сам он стоит посреди пыльных рукописей и наслоений журналов – в брюках с подтяжками прямо на нижнюю рубашку: рост небольшой, взгляд колкий, брюшко косит вправо, к печени.

Вчера мы познакомились с ним в «Национале», куда я входил не без робости – место было шикарным, но обстановка в зале оказалась нисколько не натянутой. Мастер был весел и нас вычислил сразу:

– От вас приезжал этот, как его, Вольф.

– А, Сережа! Ну, как он вам понравился?

– Талантлив. Великолепно девок описывает! Каку него там?

«Во время танца она профессионально, спиной, выключила свет».

– Мы хотели бы почитать вам стихи.

– Я стихов давно не пишу да и не читаю. Впрочем, приходите завтра ко мне, поговорим.

– В какое время?

– В восемь утра.

Бобышев и Рейн приходят на встречу, но историческое свидание срывается – Олеша убегает по своим делам. Два молодых поэта не унывают и решают «бить по площадям», точнее, по лестничным площадкам. Благо дом писательский и тут же в подъезде обнаруживается еще один неплохой вариант для исторического вхождения в литературу – сам Пастернак. Друзья решительно стучат в дверь. Описывая вторую эпохальную встречу за одно утро, Бобышев сурово критикует своего друга за неточность в его воспоминаниях. Пастернак вовсе не кормил их исполинской яичницей. Она присутствовала, но щедрым хозяином был не автор «Доктора Живаго», а Владимир Луговской. Понять «забывчивость» Рейна можно. В девяностые годы рассказ о том, как тебя накормил Пастернак – эпизод, наполненный глубоким смыслом и значением. Яркие желтки – «солнце русской поэзии» и прочие приятные толкования. Гостеприимство же порядком подзабытого советского поэта Луговского не несет в себе должного символизма.

Повторю, что прием был действенным и приносил свои результаты: от рекомендаций для публикаций как максимум до материала для написания мемуаров как минимум. Снова из Бобышева:

Например, кто такой Назым Хикмет? Без труда, хотя и не без гримасы, вспоминалось: сталинский лауреат, «прогрессивный» поэт, бежавший из турецкой тюрьмы, куда он был заключен за пламенную любовь к товарищу Сталину и к поэзии Владимира Маяковского.

А кто такой Лев Халиф? А вообще никто, квадратный корень из минус единицы, то есть мнимая величина, поясним это для тех, кто не кончал Техноложки... Но вот Хикмет написал о Халифе в «Литгазете» заметку «Счастливого пути!», там же поместили портрет брюнетистого молодого человека, несколько неплохих стихов – и дело заиграло! Халиф стал знаменитостью (так и подмывает сказать «на час»), вошел победителем в ресторанный зал ЦДЛ да и остался там безвылазно на полжизни.

Довлатов подобной методы избегал. Наверное, во вред себе. О причинах этого мы еще будем говорить. Пока что он обращается к «автору замечательных стихов» с просьбой «оценить».

Довлатов, пользуясь возможностью, регулярно относит Найману рассказы. Найман предпочитает беседовать на общекультурные темы. Наконец он «дает отзыв»:

Прочел с удовольствием. Рассказы замечательные. Плохие, но замечательные. Вы становитесь прогрессивным молодым автором. На улице Воинова есть литературное объединение. Там собираются прогрессивные молодые авторы. Хотите, я покажу рассказы Игорю Ефимову?

– Кто такой Игорь Ефимов?

– Прогрессивный молодой автор.

Здесь все точно и правдиво. Ефимов – «прогрессивный молодой автор». Само понятие «молодой прогрессивный автор» появляется в советской литературе в период оттепели. При всей его размытости в нем можно выделить несколько основных элементов. Во-первых, это освоение западной прозы: Ремарка, Хемингуэя, Сэлинджера. Во-вторых, следствием освоения выступает демонстрация «выполненного домашнего задания» в самой прозе «прогрессивных молодых...»: снижение пафоса, ирония (зачастую натужная). В-третьих, трансформировался образ главного героя: декларировался отказ от одномерно-положительного персонажа, который отныне «сомневается и ищет». Авторы знаковых текстов «молодежной прозы» – Гладилин, Аксенов, Владимов – очень быстро приобрели популярность. Журнал «Юность», на страницах которого печатались многие их вещи, воспринимался как символ той самой «прогрессивной молодой прозы».

Проблема в том, что поход на улицу Воинова как способ вхождения Довлатова в литературу был изначально обречен на провал. С одной стороны, ко второй половине 1960-х «молодежная проза» практически полностью исчерпала себя, уложившись в «славное десятилетие». Напомню, в 1956 году в «Юности» публикуется «Хроника времен Виктора Подгурского» Анатолия Гладиллина. В следующем году выходит «Продолжение легенды» Анатолия Кузнецова. Потом следует «юношеский забег» Василия Аксенова: «Коллеги» (1960), «Звездный билет» (1961), «Апельсины из Марокко» (1963). Весь яркий, но не слишком богатый писательский потенциал «молодежной прозы» в концентрированном виде был представлен в названных текстах. Процесс необходимого взросления культовых авторов «Юности» принимал различные, самые драматические формы. Радикальнее всех поступает Кузнецов. После не слишком успешных попыток найти себя в прозе о рабочем классе (роман «Огонь») и семейных неурядиц писатель, «обнуляя судьбу» в 1969 году, будучи в Англии, отказывается возвращаться из творческой командировки. Анатолий Гладиллин, так больше и не сумев повторить свой единственный писательский успех, остался в литературе «открывателем темы». Василий Аксенов на долгие годы погрузился в поиски и эксперименты (от создания детских приключенческих книг до написания пародийного шпионского романа и, наконец, непереносимое авторство в серии «Пламенные революционеры»), которые не всегда были удачными. Поэтому «прогрессивный молодой автор» для общей литературной картины второй половины 1960-х – явный анахронизм.

Но Игорь Ефимов все же был «прогрессивным молодым автором». Странная «временная петля» объяснима, если пристально рассмотреть то, чем казались и являлись в те годы ленинградские писатели. Всем интересующимся рекомендую прочитать замечательную книгу Михаила Золотоносова, название которой – «Гадюшник» – метафорически точно отражает ее содержание. Основа книги – стенограммы и протоколы собраний Ленинградской писательской организации. Исследователь особо подчеркивает демифологизирующий характер своего труда: «В стенограммах отразилась реальная, не выдуманная мемуаристами, жизнь, отразилась, прежде всего, групповая борьба». Как видим, мемуары выступают в качестве первого и важнейшего источника фальсификации – вольной или невольной. Общим тезисом, из которого следуют все частные следствия, можно считать положение о ярко выраженном провинциализме ленинградской писательской жизни того времени. После убийства Кирова, послевоенного «ленинградского дела» в политическом и культурном отношении «колыбель революции» окончательно лишается последних признаков былой столичности. Об этом в частности рассказывает «Российской газете» в 2008 году такой «свидетель эпохи», как публицист и прозаик Яков Гордин:

– Возможно, я ошибаюсь, но у меня ощущение – оно навеяно мемуарной прозой Сергея Довлатова, в которой много смешного, забавного, что ленинградский общественно-литературный климат тех лет был несколько мягче московского.

– Ну что вы! Он был жестче, гораздо жестче. Например, «дело Бродского», мне кажется, было бы невозможно в Москве. Там даже такие полуоппозиционные писатели, как Евтушенко и Вознесенский, имели личные связи в верхах. А у нас никаких личных связей с Толстиком (первым секретарем обкома. – В. В.) или товарищем Кругловой (секретарем обкома по идеологии. – В. В.) не было и быть не могло. Контакты с ними были для нас совершенно неприемлемы. К тому же в Москве существовала лишь небольшая группа писателей, требовавших присмотра, а здесь на виду были все. Но вы правы: атмосфера была не то чтобы веселая, но более домашняя, что ли. Наша писательская среда, она ведь состояла из разных людей. Существовал официальный Союз писателей в лице его ленинградского

отделения. Тем не менее даже там не наблюдалось полного единения: встречались стукачи, доносчики, но были и достойные люди. Неофициальный круг, к которому принадлежал я, тоже не являл собой человеческий монолит. Было несколько групп, пересекавшихся между собой. Дружеские связи, неприязненные отношения... Нормальное дело.

Определенная вторичность и некоторая «заброшенность», которую иначе можно определить как «самодостаточность», привели к тому, что общественная писательская жизнь определялась не громкими идеологическими или творческими сражениями в силу удаленности штабов, а яростными столкновениями между писательскими группировками, практически открыто сражавшимися исключительно за публикации, тиражи, гонорары. Конечно, формально это подавалось как борьба за «идейность» или «чистоту облика советского писателя». В повести Довлатова «Наши» автор рисует яркие портреты своих родственников. Его тетя Мара – известный в Ленинграде редактор, – помимо дружбы с видными писателями, обладала эксклюзивной информацией о мастерах пера, как правило, невинного юмористического свойства. Подросток племянник расширил рамки и содержание коллекции:

Знала множество смешных историй.

Потом, самостоятельно, я узнал, что Бориса Корнилова расстреляли.

Что Зощенко восславил рабский лагерный труд.

Что Алексей Толстой был негодяем и лицемером.

Что Ольга Форш предложила вести летосчисление с момента, когда родился некий Джугашвили (Сталин).

Что Леонов спекулировал коврами в эвакуации.

Что Вера Инбер требовала казни своего двоюродного брата (Троцкого).

Что любознательный Павленко ходил смотреть, как допрашивают Мандельштама.

Что Юрий Олеша предал своего друга Шостаковича.

Что писатель Мирошниченко избивал жену велосипедным насосом...

Понятно, что информация нуждается в проверке. Но по крайней мере в одном случае «самостоятельные изыскания» Сергея Довлатова находят прямое документальное подтверждение. Речь идет о писателе Григории Ильиче Мирошниченко. Обратим внимание на два момента. Во-первых, узнаваемость. На фоне имен Зощенко, Мандельштама, Алексея Толстого фигура Мирошниченко теряется. Во-вторых, характер злодеяния автора повести «Юнармия» выглядит пародийно сниженным по сравнению с «предательством», «хождением на допрос», «прославлением рабского лагерного труда» и другими не менее тяжкими грехами.

Главное событие в партийной жизни Мирошниченко – коммуниста с 37-летним стажем – произошло 23 декабря 1964 года. К тому времени список его прегрешений был значительно богаче «просто» избиения жены велосипедным насосом. Еще осенью 1962 года его поведение разбиралось на партсобрании ЛО СП РСФСР.

Тогда, например, оказалось, что писатель-патриот, член партии с 1927 г., участник Гражданской, Финской и Великой Отечественной войн, бывший полковой комиссар Мирошниченко не только недоплачивал взносы в партийную кассу и демонстративно отказывался их платить, не только 10 лет сдавал дачу, получая нетрудовые доходы, но еще и бил жену и бросал в нее *машинками*. Жена была в крови, а машинки потом валялись на полу и на подоконнике.

Золотоносов делает оправданное предположение, что машинки были, скорее всего, не орудиями писательского ремесла, а игрушечными. Подобный диковатый набор обвинений

органично сочетался с линией защиты, которую избрал для себя Мирошниченко. С одной стороны, он подтверждал факты семейного насилия, но утверждал, что в действительности это жена била его. С другой стороны, причиной конфликтов объявлялась борьба за здоровый быт.

На протяжении 40 лет у нас бывали, как и в некоторых семьях бывают, всякие недоразумения... Бывали у нас резкие столкновения относительно папирос, она очень курила, бывали некоторые недоразумения семейного порядка, бывали очень резкие столкновения с женой.

Последовавший обмен репликами напоминает сценку из «театра абсурда»:

ЗАВОДЧИКОВ: Речь идет о мордобое. Нельзя же за курение бить по лицу и по ногам!

МИРОШНИЧЕНКО: Ну, почему же вы тогда не ставили здесь вопрос, чтобы я раньше знал, я бы раньше тогда исправился.

(Шум в зале, смех.)

Как видим, представлением по-своему наслаждаются все, включая «обвиняемого». Слова Гордина о «домашней атмосфере» приобретают зримое материальное выражение. За два следующих года Мирошниченко, несмотря на денежное благополучие, так и не сумел, точнее, не захотел, погасить партийные долги. Поэтому в конце 1964 года он и становится героем персонального дела. На заседании всплыл ряд новых прегрешений автора «Юнармии»: от махинаций с комнатой матери до «попытки изнасилования эстонки в Таллине». Тут же всплывают подробности старых разборок с писательницей Верой Кетлинской. Михаил Золотонос отмечает, что само «дело Мирошниченко» могло быть инспирировано А. Прокофьевым – поэтом и первым секретарем правления СП. Мирошниченко должен был заплатить не только за просроченные партийные взносы, но и за попытку смещения Прокофьева с должности председателя президиума ЛО СП во второй половине сороковых годов. Но высокая шекспировская месть обернулась диковатыми кухонными разборательствами между представителями ленинградской творческой интеллигенции. Между прочим, разбор «дела Мирошниченко» был предвестником краха не злополучного хулигана и должника по партийным взносам, а совсем иной фигуры.

Так, не без огонька, ленинградские писатели проводили 1964 год. И встретили не менее бойкий 1965 год. Новый год принес две новости. Первая неофициальная для литературной жизни. Весной демобилизуется Сергей Довлатов. Вторая – весной же в ЛО СП принимаются сразу три новых члена. И каких... Дадим слово Игорю Ефимову:

В мае ленинградское отделение Союза писателей как бы признало смену поколений неизбежным злом, с которым придется смириться, и разрешило прием трех новых членов: Битова, Ефимова, Кушнера.

«Майский расцвет» Ленинградского отделения мемуарист связывает с так называемой «брежневской оттепелью». Ефимов выстраивает ряд: выход книг Цветаевой, Пастернака, публикация «Театрального романа» Булгакова в «Новом мире», выдвижение Солженицына на Ленинскую премию, почему-то джазовый фестиваль в Ленинграде, ну и прием трех молодых талантов в недружные, как мы уже знаем, ряды ленинградских писателей. Позволю себе усомниться как в «признании необходимого зла», так и в значимости и связанности деталей в эпической картине «брежневской оттепели». Из того, что приведено выше, складывается несколько другая картина. Скандалы, сотрясавшие писательскую организацию, требовали от руководства какого-то действия. Было принято решение – демонстративное обновление. Целых трех человек. Молодых. Один из них – несомненно «прогрессивный молодой автор». То, что волна, вознесшая «прогрессивных и молодых», уже не только достигла максимальной

высоты, но и устремилась вниз – не смущало «обновленцев». Пусть с опозданием, но зато всем понятно и даже немного солидно.

Не без смущения вновь передаю слово одному из трех мушкетеров, побывавшему на аудиенции у кардинала Ришелье. Из мемуаров «гасконца» Ефимова:

Руководил церемонией приема поэт Михаил Дудин. За столом президиума сидели члены секретариата, и среди них мы не увидели знакомых и дружественных лиц. Дудин пытался «провести мероприятие» в дружески-шутовском тоне: «Эх, ребятки, вы да мы, будем вместе топтать вперед, дружно, по-товарищески, пока, так сказать, не требует поэта Аполлон...» «Ребятки» сидели с каменными лицами, на улыбки не поддавались, от хлопанья по плечам отшатывались.

Замечательная картина. Немного поднажать, «вспомнить детали». Как избитых бросили ранним утром в воронок и повезли принимать в советские писатели. Как достойно встретили приговор о вступлении и крикнули: «Да здравствует свободная мысль!» Ну и «постоянно отшатывались». Тема «заклочения» возникла у меня не просто так. Ефимов следующим образом объясняет причину «принудительного вступления»: «По крайней мере, теперь не смогут обвинить в тунеядстве и отправить в ссылку». Сурово.

Отмечу, что руководил церемонией приема не просто поэт Михаил Дудин, а первый секретарь правления ЛО СП РСФСР. Поэтому хорошее настроение Дудина вполне объяснимо – он только что вступил в должность. Главой ленинградских писателей Дудин стал после дворцового переворота – давняя петербургская традиция – в начале года. 14–15 января состоялось отчетно-выборное собрание ленинградских писателей. На нем лишился своей должности Прокофьев. По результатам выборов он не прошел в состав нового правления, а потому автоматически лишился возможности претендовать на секретарское место. Крушение Прокофьева связано с зачисткой, которая проводилась после смещения Хрущева в октябре прошлого, 1964 года. Прокофьев считался его сторонником и стал удобной ритуальной искупительной жертвой со стороны ленинградской партийной номенклатуры. Конечно, внешне инициаторами смещения Прокофьева были его коллеги-писатели. Один из «грехов», который инкриминировался свергнутому секретарю – участие в расправе над Бродским. К власти пришли как бы либеральные силы – писательскую организацию возглавили Михаил Дудин в качестве первого секретаря правления и Даниил Гранин, избранный вторым секретарем. Понятно, что начинать свою деятельность с ссылки Ефимова, как и любого «прогрессивного автора», никто не собирался. Наоборот, умеренное обновление и омоложение.

А теперь несколько деталей о том, как технически был подготовлен прием. Вступить в ряды советских писателей можно было при наличии значимых публикаций, а самое главное – двух выпущенных книг. Валерий Воскобойников рассказал поучительную историю совместного с Ефимовым вхождения в литературу:

В 1963 году мы впервые напечатали в журнале «Костер» по рассказу и тут же были подвергнуты разносу после знаменитого мартовского идеологического пленума, где Хрущев громил абстракционистов в лице Андрея Вознесенского и Эрнста Неизвестного. А следом в Петербурге на секции детской литературы погромили и наши рассказы. «Погром» кончился забавно: редакторы «Детгиза» позвали нас с рукописями в издательство.

Позволю себе в очередной раз не согласиться с мемуаристом. Погром, пусть даже и закавыченный, вряд ли мог закончиться приглашением в издательство с рукописями. Отметим также большую разницу между громкими событиями в столичной культурной жизни, которые «аукались» еще очень долго в судьбах очень разных людей, и полудомашними посиделками на городской секции детской литературы. Полагаю, что были высказаны ритуальные замечания:

«отчетливей показать», «сделать правильный акцент», «развернуть» и т. д. Не следует считать приглашение в издательство «забавным», почти водевильным недоразумением. Шел плановый набор новых авторов, в ходе которого с претендентов сбивали возможную спесь, обкатывали, чтобы те знали, что такое литература и кто есть кто в этом волшебном мире. О том, какие настоящие «забавные случаи» встречаются на пути рукописи к советскому читателю, Довлатов успел рассказать много.

Еще один момент, опровергающий воспоминания Воскобойникова, – свидетельство нашего главного мемуариста – Игоря Ефимова. Правильнее сказать, отсутствие свидетельства. «В связи времен» подробно перечислены все факты угнетения писателя советской властью. Погрома в детской секции там просто нет. Кстати, пунктирно о Воскобойникове. «Погром» отозвался необычно в судьбе молодого автора. На долгие годы он стал достаточно узким специалистом и развлекал детей «среднего возраста» весьма средними же сочинениями вроде «Солдат революции. Фридрих Энгельс: Хроника жизни». В новые времена Валерий Воскобойников переключился на развитие серии «Рассказы о святых». Кроме того, Валерий Михайлович числится в литературных наставниках Марии Семеновой – одной из основательниц русского языческого фэнтези. Почему-то в сознании всплывает довлатовское:

Лениздат напечатал книгу о войне. Под одной из фотоиллюстраций значилось:

«Личные вещи партизана Боснюка. Пуля из его черепа, а также гвоздь, которым он ранил фашиста...»

Широко жил партизан Боснюк!

Вроде бы не о том, но возникает чувство удивительной уместности.

Возвращаясь к Ефимову, отмечу, что помимо отсутствия рассказа о драматическом пути к юному читателю в его мемуарах нет еще одного важного эпизода, который практически обязателен для воспоминаний писателя. Там нет ни одного слова о том, как он начал свой путь в литературе. Не рассказывает Ефимов о первых шагах, поиске, борьбе с языком, желании написать главную книгу в русской литературе, которым переболел почти каждый отечественный писатель. Повествование о жизни молодого инженера, а затем преподавателя в заводском филиале Политехнического института сменяется пресноватыми рассуждениями об искушении «игры с цензурой».

Затем следуют такие же необязательные портретные зарисовки молодых ленинградских писателей: Битова, Вахтина, Вольфа, Грачева, Марамзина, Попова, Шефа. Вот перед читателем Борис Вахтин:

Он был очень заметен в любой компании. Высокий, спокойный, с приветливой улыбкой, со всегдашним искренним интересом к собеседнику.

Мне кажется, автор бессознательно подражает гестаповским закадровым характеристикам из «Семнадцати мгновений весны». О писательстве Вахтина сказано не менее ярко:

Критики, писавшие впоследствии о прозе Вахтина, справедливо указывали на уроки Бабеля, Зощенко, Платонова. Уже в названии повести «Дублинка» слышна благодарная отсылка к творчеству Гоголя.

Мне же безо всякой благодарности с моей стороны слышится отсылка к школьному учебнику литературы: «Что хотел сказать автор».

Далее следуют «благодарности» автора: Сэлинджеру, Бродскому, Солженицыну, так как те «оказали влияние». А потом без перехода о своем дебютном романе:

Да, мое первое произведение, прорвавшееся в печать и имевшее успех, было написано сразу после прочтения «Над пропастью во ржи».

Хорошо, «имело успех», но как было написано, как Ефимов пришел к писательству как таковому? Мемуарист продолжает, не изменяя своей интонации:

Непонятно, как в издательстве «Детская литература» проглядели такое недопустимое непослушание героя. Кажется, расположенные ко мне редакторы убедили директора Морозова, что повесть прославляет дружбу, и он подмахнул разрешение в печать. Вскоре за ней была написана повесть «Таврический сад» – уже в три раза длиннее.

Надеюсь, на этом месте глаз у читателя дернулся. Подобное метрическое отношение молодого писателя к тому, что он пишет, вызывает удивление. Измерение достижений в литературе происходит как-то иначе. Я не хочу сейчас противопоставлять в духе как раз 1960-х «физиков» «лирикам». Но невольно возникает представление, что Ефимов просто перешел на другую работу, сохранив общий инженерно-технический, вернее, «технарский», подход к новому занятию. Как ни странно, об этом совсем скоро напишет Сергей Довлатов.

О длинной повести «Таврический сад» следует все же рассказать. Начинается она очень по-детски, с развернутой жалобой:

Я всегда был такой же, как все, обыкновенный, только меня никуда не принимали. Это у меня была единственная особенность: если мне куда-нибудь очень хотелось, то я уже заранее знал, что ни за что не примут. А может, наоборот – туда-то мне и хотелось, куда не всех принимают.

Повесть о послевоенном Ленинграде, жизни и приключениях Бори Горбачева. Тут есть пленные немцы, хулиганы и прочий «аромат эпохи». Например, диалог Бори с соседкой, которая не пускает его в квартиру, опасаясь грабителей:

- Так говоришь, ты Боря Горбачев. А я кто?
- А вы Александра Пахомовна.
- А фамилия моя как?
- Бабулина. У вас в комнате еще телефон, только вы никому не даете звонить.
- Верно, голубчик, верно, не даю. Может, ты и вправду Боря. Голос уж больно похожий.
- Ну конечно, это я. Пустите, мне уроки нужно делать.
- А кто там еще с тобой?
- Да нет здесь никого.
- Как нет? Я же слышу, кто-то дышит.
- Это я сам и дышу. Что же мне, не дышать, что ли?
- Да я не про тебя, я про другого. Ты ему скажи, что у меня в руках топор; как он войдет, так я его по башке и туюкну.
- Скажи, что без топора я и не открываю никогда, – пусть уж знает.
- Александра Пахомовна, только вы меня не туюкните. Вы разберитесь хорошенько, прежде чем туюкать.
- Да, Боренька, где ж тут разобраться. Тут уж времени не будет. Да и вижу я плохо теперь, очки у меня неподходящие, давно бы сменить пора, а все некогда.
- Нет, Александра Пахомовна, я, знаете, лучше пойду еще погуляю.
- Погуляй, мальчик, погуляй. Погода-то хорошая?
- Хорошая.
- Дождя нет?
- Нет.

– Ну и гуляй себе на здоровье.
Так и гулял весь день.

Это не так плохо, только возникает явное ощущение затянутости диалога, по причине которой он и «не срабатывает». Заканчивается повесть тоже совершенно детским пассажем:

В саду хорошо, снег лежит на перилах и скамейках, как пирожное, и музыка слышна с катка, и я сначала хочу все поскорее осмотреть, раз уже прорвался, а потом думаю: куда же спешить? Ведь мне и завтра придется сюда прийти, и послезавтра. Конечно, тут будет Сморыга и все его подлости, и сегодня я его перекричал, а завтра неизвестно, да что же делать? Мне ведь теперь убежать от него нельзя, даже если никто не увидит и не узнает, и с этим достоинством своим, которое залезло в меня неизвестно когда и откуда, я еще заплачусь и хлебну горя, но тут уж ничего не поделаешь, – я его ни за что не отдам и буду защищать изо всех сил, и потом, когда мы снова встретимся с Волковым, он посмотрит на меня, сразу все поймет и сам – сам! – подойдет ко мне и попросит, чтобы я его принял в друзья, в физики, или еще куда.

И тогда я подумаю.

Старушечья обстоятельность повествования заставляет подумать, что соавтором молодого писателя была та самая Александра Пахомовна.

В 1964 году Ефимов издает в ленинградском отделении «Детской литературы» свою первую книгу – сборник рассказов и повестей «Высоко на крыше» объемом в 96 страниц. Обратим внимание на похвальную оперативность издательства. Между публикацией первых рассказов и выходом книги – дистанция только в год. Первая книга для каждого автора особенная. С нее начинается его профессиональная писательская судьба. Что написал для юных ленинградцев Игорь Ефимов?

Первая повесть из сборника «Взрывы на уроках» рассказывает о шестиклассниках, на практику к которым приходит молодая учительница истории Дина Борисовна:

Что-то в ней было удивительно всем знакомое и очень историческое, будто виденное в иллюстрациях к «Трем мушкетерам» на пятой полке школьной библиотеки: во всем черном, с большим белым воротником и с волосами до плеч, только с указкой вместо шпаги.

Честно говоря, не совсем понятно, кого имеет в виду Ефимов: миледи, Атоса или гвардейцев кардинала. В любом случае, комплимент сомнительный. Дина Борисовна желает оживить урок, посвященный средневековой науке.

– Алхимия – это почти химия, только без формул, наугад. Вот, например, в вашем химическом кабинете стоят различные банки с порошками и жидкостями. Вы не знаете, что это за вещества, и, если вас впустить сейчас в кабинет, вы, конечно, начнете все смешивать, и получится алхимия. Это очень увлекательная и опасная наука. Вот вы смешали несколько веществ, и получился какой-то неизвестный предмет. – Она вынула из портфеля и подняла над головой небольшую черную таблетку. – Совершенно неизвестно, что это такое. И вдруг...

Таблетка выскользнула из ее пальцев, упала на пол и громко взорвалась.

– Ой! – вскрикнула Сумкина.

– Еще! – зашумели все. – Еще разочек!

Татьяна Васильевна закрыла лицо руками, привстала, потом села обратно и с досадой хлопнула блокнотом по парте.

Татьяна Васильевна – заслуженный старый учитель. Дина Борисовна – молодой и прогрессивный с «небольшими черными таблетками». Понятно, что шестиклассники влюбляются в нее. Помимо пиротехнических фокусов практикантка затеяла с детьми съемку документального фильма об их нелегкой жизни. Татьяна Васильевна считает, что заигрывание с учениками подрывает дисциплину и снижает успеваемость. Но на решающем, итоговом уроке все ответили на пятерки, включая раздолбая Косминского. Дине Борисовне ставят за практику «четверку», и она успевает сделать на педсовете прогрессивное замечание.

– Ну, поздравляю, поздравляю вас, – говорил Сергияковлич. – Я был уверен, что у вас все будет в порядке. Не надо только бояться. Вот и прекрасно, я очень рад за вас. А вы сами рады? Довольны?

– Да, конечно, – сказала Дина Борисовна, но голос у нее был не очень веселый. – Я вам очень благодарна, вы так за меня болели все время. Только знаете, сегодня я почувствовала одну неприятную вещь. Может, это покажется странным, но мне было стыдно ставить им отметки, – будто раздаешь какие-то призы.

– Да, это действительно странно. Как же можно без отметок.

– Нет, я, конечно, понимаю, что без них, наверно, нельзя, но вот у меня было такое чувство. И потом, кажется, я не очень хорошо рассказывала.

Не только вы, Дина Борисовна, и у автора тоже получилось «не очень хорошо». Вторая повесть «Я хочу в Сиверскую» интонационно перекликается с «Таврическим садом». Начинается она так же – с жалобы на сложную детскую жизнь:

Когда я вернулся из школы, мамы еще не было, и я сначала обрадовался, но не очень, потому что все равно ведь, подумал я, она скоро вернется и все узнает.

Мне было так плохо, что я даже забыл посмотреть из окна, как летит снег, вверх или вниз, а сел на стол и начал раскачиваться взад и вперед, хотя ничего такого уж страшного не произошло, и троек я получил меньше, чем Фимка, и по поведению тоже было хорошо, и даже были две пятерки – по истории и по географии. Некоторые прямо завидовали мне, но это, конечно, неважно, потому что мама скажет, что ей совершенно безразлично, как кончат четверть какой-то Фимка или всякий другой ученик нашей школы. Она возьмет табель, наденет очки и начнет водить ногтем по отметкам, а потом придет в ужас. Но не сразу за все, а будет приходить в ужас за каждую тройку в отдельности, а это будет гораздо дольше, чем если бы за все сразу, и хуже всего, если под конец она скажет, что не пустит меня на каникулы к Вадику в Сиверскую. Это будет настоящая гибель.

Саша – главный герой – убеждает читателя, что он очень хочет поехать в Сиверскую к своему «гениальному другу Вадику», который «и на лыжах, и на коньках, и в лесу все знает, и приемник; и все мне объясняет, а я только слушаю, открыв рот, и больше ничего». Но мама Саши ознакомилась с оценками сына, потрясла очками и решила наказать нерадивого ученика – запретить ему поездку к его «гениальному другу». Саша начинает ныть и обещает исправить оценки. Вадик пишет другу «завлекательные письма», обещая Саше множество развлечений:

«А Кадыра, – было написано в этом месте, – который прыгает с трамплина, боится моей Таньки и при ней не ругается и не воображает, ни в школе, ни где. Ты зря думаешь, что Танька нам мешает, потому что она, конечно, не изобретает и ничего такого, но зато она поет и по-французски тоже, и это, помнишь, как Эдита Пьеха: „Та-та-та-ра-ра“. И знаешь, вообще,

когда она вечером сидит и крутит ручки у телевизора, у нее волосы длинные и просвечивают, это ужасно здорово. Я не могу тебе объяснить почему, но вот увидишь, тебе тоже понравится...»

Попытки Саши исправить оценки провалились. На уроке истории он вместе с одноклассниками заявляет, что не готов ответить, и получает двойку, которую уже невозможно исправить. Саша прячет классный журнал, а потом бежит на вокзал, чтобы уехать в Сиверскую – к Вадику, Таньке и Кадыре:

Я бежал и думал очень быстро и про все сразу: и про маму, и про журнал, и про Стеллу, и, главное, я думал, что, может, еще не все кончено, мы пойдем ловить рыбу, и у нас с Вадиком хватит времени обо всем поговорить, и мы обсудим с ним и с Кадырой тоже, кем надо быть, чтобы не стать негодяем, и может, тогда все уладится и снова можно будет жить хорошо и интересно, что бы там с нами ни случилось.

Говоря об этой повести Ефимова, понимаю нечто относящееся ко всем его детским вещам. В пересказе они звучат намного лучше. Портит впечатление цитирование. Сюжеты неплохо придуманы, правильно расставлены смысловые ударения. Для своего времени они, действительно, без ерничания, прогрессивны. Все портит деревянность интонации, какая-то внутренняя неподвижность, не позволяющие увидеть бегущего «на последнем дыхании» Сашу, почувствовать страх Бори Горбачева перед гопниками, оккупировавшими Таврический сад. Описывается все правильно, верно, сознание соглашается с автором, но читательское чувство не может собрать из напечатанных слов картину. Кажется, что стоит только переставить местами слова, где-то немного ужать текст, и «заиграет». Музыка, увы, не звучит.

Но объективные современники оценили первую книгу молодого автора иначе. Ефимов-мемуарист, к сожалению, обходит вниманием интересный момент. В скромности его упрекнуть нельзя, но некоторые детали как бы проваливаются. Очень скоро последовал отклик на «Высоко на крыше». И не где-нибудь, а в «Новом мире». В последнем номере за 1964 год мы находим отклик на книгу молодого ленинградского прозаика. Да, в скромном разделе «Коротко о книгах».

Но «Новый мир» создавал репутацию иногда одним только упоминанием какого-то автора. Автор заметки крепко хвалит Ефимова:

Повести и рассказы И. Ефимова неназойливо несут читателю моральные идеалы честности, искренности, справедливости. Они лишены нравоучительности, но незаметно действуют и на маленьких, и на взрослых читателей своей направленностью. И. Ефимов «снимает» дидактику юмором, необычной деталью, неожиданным поступком. В этом сказывается вкус, а вкус – дело редкое.

Далее пересказывается ударный, по мнению автора отзыва, эпизод на лыжной прогулке из «Взрывов на уроке» с участием упомянутого ранее балбеса Косминского. Заключение: «Книга И. Ефимова написана свежим языком, с живыми диалогами, читать ее интересно». Да, смазанно-дежурно, хотя можно извинить, учитывая жесткий лимит на объем текста.

Конечно, интересно, кто автор столь быстрого отзыва. А это не кто иной, как Владимир Марамзин – друг Игоря Ефимова. Он старше и Довлатова, и Ефимова – родился в 1934 году. Марамзин закончил Электротехнический институт, работал инженером, начальником отдела научной информации на одном из ленинградских заводов. Еще в студенческие годы Марамзин посещал Лито при библиотеке имени Маяковского, которым руководил Виктор Бакинский. Ко времени написания отзыва он почти состоялся как «молодой прогрессивный автор». В ленинградских газетах и журналах («Смена», «Костер», «Звезда») опубликовали несколько его рас-

сказов. Как и многие другие молодые авторы, Марамзин пытался войти в литературу с помощью «детских текстов». Самым высоким его достижением следует считать постановку пьесы «Объясните мне кто-нибудь – я скажу вам спасибо» в 1963 году. Сразу же после премьеры пьесу изъяли из репертуара.

Как ни весом, наряду с Андерсеном и Линдгреном, вклад Ефимова в детскую литературу, но для вступления одной книги явно мало. Но у автора есть серьезный козырь. За плечами Ефимова Ленинградский политехнический институт, работа инженера. В тогдашней неофициальной «табели о рангах» техническое образование расценивалось как безусловное преимущество для желающих изменить специальность и перейти в «инженеры человеческих душ». Близость к производству – прежде всего близость к рабочему классу, общение с которым закалит, сформирует правильное советское мировоззрение. Бытовало мнение, что в целом технические специальности выбирают аполитичные молодые люди, ставящие перед собой зримые, достижимые задачи. Об этом со знанием дела говорит и сам Ефимов:

Мы не хуже Юрия Рытхэу знали, какой «товар» требовался в советских издательствах. «Производственная тематика» – вот был священный «сезам», открывавший двери редакций. А разве так уж важно, на каком фоне будет развиваться драма отношений героев? По крайней мере, заводские цеха были моим миром вот уже несколько лет, мне не было нужды устраивать специальные командировки для изучения их.

Замечу, что писатель даже в мемуарах, написанных в другое время и в другой стране, «исправляет» биографию, делая акцент на той самой «пролетарской закалке». Работа в Лаборатории газовых турбин Центрального котлотурбинного института, конечно, предполагала посещение заводских цехов, но вряд ли они являлись «миром Ефимова». Тем не менее «рабочая тематика» присутствует в первой крупной вещи молодого писателя – романе «Смотрите, кто пришел!». Нужно признать, что в воспоминаниях автор делает акцент не на политической подкладке романа, а на эпатажном сексуальном содержании: И я пустил моего повзрослевшего – 18 лет! – героя на завод. А под шум станков, под грохот лебедек, под вспышками сварочных аппаратов мне был разрешен – прощен – казалось бы, непроходимый сюжет: влюбленность подростка в собственную мачеху. Этакая «перевернутая Федра».

Автор, «осознавая непроходимость» «перевернутой Федры», отсылает ее в журнал «Юность», в котором она «попалась на глаза Василию Аксенову». Благодаря рекомендации последнего «непроходимый роман» прошел и был напечатан в журнале. К факту публикации я еще вернусь, а теперь поговорим о самом романе.

Уже название «Смотрите, кто пришел!» вызывает некоторые ассоциации. Оно хорошо сцепляется с названиями других популярных книг того времени: «Будь здоров, школяр!» Окуджавы, «До свиданья, мальчики!» Балтера. Разумеется, это не главное, но следование «духу времени» тоже о чем-то говорит. Что касается содержания романа, то его можно определить как аккуратное копирование всех приемов и тем «молодежной прозы». Я говорил о неперменной иронии, которая не всегда была удачной. Открываем роман:

Утром дворник вынес из подворотни поднятую вверх метлу и три раза ударил ею об асфальт. А потом вышел я.

– Да здравствует король! – сказал я негромко сам о себе.

– Привет-привет, – ответил дворник.

К герою на мотороллере подкатывает его друг Толя, и они отправляются на работу:

Толя ехал очень быстро, и лицо у него было такое плоское, будто он уже обо что-то стукнулся.

– У тебя лицо необтекаемое, – сказал я, садясь сзади. – Ты нагнись, а то с таким необтекаемым лицом тебя всякий обгонит.

Есть тут попытка иронии? Наверное, да. Удачна она? Точно нет. К тому же не совсем понятно: в какой момент герой усаживается на мотороллер друга, если «Толя ехал очень быстро с плоским лицом».

Не будем придираться. Потому что дальше – хуже. Олег, так зовут героя, приезжает на работу. Он трудится чертежником в каком-то конструкторском бюро, и заводские цеха также не являются «его миром». Усевшись за рабочий стол, Олег начинает размышлять: размеренно, драматично и словесно обильно:

Как пусто мне было, нехорошо и обидно и ничего не хотелось. Будто меня откуда-то выгнали, откуда-то, куда я и сам бы не пошел, но оттого, что выгнали, было обидно.

Со мной и раньше такое бывало, и я этого очень боялся, потому что тогда что угодно мог сделать, какую угодно подлость или глупость, и ничуть бы не переживал.

Из гуманных соображений прерву «внутренний монолог» и спрошу читателя, узнал ли он первоисточник. Если нет, еще отрывок, после которого сомнению нет места:

Я стал думать, чего бы мне захотеть. Вот, например, я сижу с гитарой на берегу, что-то пою для себя, а со всех сторон ко мне подходят люди, усаживаются на траву, стоят, обнявшись, покачиваются, по реке подплывают на лодках и поднимают мокрые весла, а я ничего не замечаю и пою сам для себя.

Да-да: «На черта мне их аплодисменты? Они всегда не тому хлопают, чему надо. Если бы я был пианистом, я бы заперся в кладовке и там играл». Смотрите, кто пришел – Холден Колфилд собственной персоной. Ефимов оговаривает, что в то время испытывал влияние Сэлинджера: «от первого лица, с наивной искренностью, с ранимостью, с поисками душевной близости и с чередой горестных и радостных пертурбаций». Все это здорово, но зачем с «наивной искренностью» так близко к чужому тексту?

Помимо «сэлинджеровщины» в «Смотрите, кто пришел!» без труда открываются «поиски душевной близости» с другими мастерами зарубежной литературы. В уже цитированном «Ремесле» Довлатов вспоминает о начале своего литературного пути:

1960 год. Новый творческий подъем. Рассказы, пошлые до крайности. Тема – одиночество. Неизменный антураж – вечеринка. Вот примерный образчик фактуры:

«– А ты славный малый!

– Правда?

– Да, ты славный малый!

– Я разный.

– Нет, ты славный малый. Просто замечательный.

– Ты меня любишь?

– Нет...»

Выпирающие ребра подтекста. Хемингуэй как идеал литературный и человеческий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.